

Джек
ЛОНДОН

АЛАЯ ЧУМА

I

Тропа шла по возвышению, которое когда-то было железнодорожной насыпью. Но уже много лет тут не проходил ни один поезд. С обеих сторон к насыпи подступал лес, деревья и кустарник поднимались по склонам, и зеленая волна захлестывала узкую, где не разойтись вдвоем, звериную тропу. Кое-где из земли торчали куски металла, свидетельствовавшие о том, что внизу, под слоем слежавшихся листьев и мха, были рельсы и шпалы. В одном месте молодое, дюймов десять толщиной, деревце разорвало стык и загнуло конец рельса кверху. Вместе с рельсом, повиснув на длинном костыле, причудливо вздыбилась полусгнившая шпала; то место, куда она была уложена, давно занесло песком и опавшими листьями. Угадывалось, что дорога была однорельсового типа, хотя и пришла в полный упадок.

По тропе шли двое: старик и мальчик. Они шагали медленно, ибо старик был очень дряхл; он тяжело опирался на палку, руки и ноги у не-

го дрожали. Грубая шапка из козлиной шкуры защищала его голову от солнца. Из-под шапки выбивались редкие пряди грязно-белых волос. Старик надвинул на глаза козырек, хитроумно сделанный из большого листа, и пристально вглядывался, куда ступать. Его борода, большими спутанными космами спадавшая на грудь, была бы белой как снег, если бы не дым костров и непогода.

Облезлая козья шкура составляла все его одеяние. Тонкие, высохшие руки и ноги выдавали крайне преклонный возраст старика, равно как потемневшая от загара кожа, многочисленные шрамы и царапины говорили о том, что долгие годы ему пришлось провести под открытым небом.

Мальчик шел впереди, с трудом приноравливаясь к медленным шажкам старика; одеждой ему также служил кусок обтрепанной шкуры с неровными краями и дырой посередине для головы. Ему было лет двенадцать, не больше. В волосы он кокетливо воткнул недавно отрезанный кабаньей хвост. В руке он держал небольшой лук и стрелу, за спиной болтался колчан. Из ножен, висевших на ремне, перекинутом через шею, торчала щербатая рукоятка охотничьего ножа.

Мальчишка был черен от загара и ступал мягко, по-кошачьи. Контрастом к его опаленному солнцем лицу были синие глаза, смотрев-

шие пытливо и пронизательно. Казалось, он сверлил взглядом каждый предмет, попадавший на пути. Кроме того, он чувствовал малейшие запахи, и вздрагивающие, раздувающиеся ноздри доносили в его мозг нескончаемый поток сигналов из внешнего мира. Он обладал острым, тренированным слухом. Не прилагая никаких усилий, он улавливал в кажущемся безмолвии легчайшие звуки, улавливал, различал и группировал их, будь то шелест листьев на ветру, жужжание пчелы или звон комара, гул далекого прибоя, слышимый только в минуту затишья, или возня суслика на тропе, совсем рядом, подтаскивающего землю к отверстию своей норы.

Внезапно мальчик насторожился. Зрение, слух и обоняние одновременно предупредили его о какой-то опасности. Не оборачиваясь, он предостерегающе коснулся рукой старика, и оба замерли. Впереди, у самого края насыпи, захрустели ветки; мальчик устремил взгляд на закачавшуюся верхушку куста. Оттуда вывалился огромный серый медведь, и, увидев людей, тоже остановился как вкопанный. Встреча, очевидно, была ему не по душе, и он угрожающе заворчал. Мальчик медленно приложил стрелу к луку и так же медленно натянул тетиву. Он не сводил глаз с медведя. Старик не шелохнулся и тоже уставился на медведя из-под своего козырька. Люди и зверь внимательно несколько

секунд изучали друг друга; медведь начал обнаруживать признаки нетерпения, и мальчик кивком показал старику, чтобы тот сошел с тропы и спустился с насыпи. Сам он тоже стал пятиться назад, держа лук наготове. Они подождали немного, пока с другого склона насыпи не послышался треск ломаемых кустов, — зверь прошел. Когда они снова поднимались вверх, мальчик усмехнулся:

— Крупный!

Старик покачал головой.

— Их все больше с каждым днем, — пожаловался он тоненьким надтреснутым голоском. — Разве я думал, что доживу до такого времени, когда люди будут бояться ходить здесь! Помню, когда я был маленьким, в хороший день люди целыми семьями приезжали сюда из Сан-Франциско. И никаких медведей не было. Да, сэр, никаких. Так редко попадались медведи, что люди платили деньги, чтобы посмотреть на них в клетках.

— А что такое деньги, дед?

Прежде чем старик успел ответить, мальчик, вспомнив что-то, торжествующе сунул руку в сумку, которая свисала у него под шкурой, и вытащил тусклый, потертый серебряный доллар. Старик поднес монету к носу, глаза его заблестели.

— Ничего не вижу, — пробормотал он. — Посмотри-ка, Эдвин, может быть, разберешь год чеканки.

Мальчик засмеялся:

— Ну и чудной же ты! Все врешь, будто эти крохотные черточки что-то значат.

По лицу старика пробежала тень привычной грусти, и он снова поднес монету к глазам.

— Две тысячи двенадцатый год! — взвизгнул он и залился полубезумным смешком. — Как раз тогда Правление Магнатов назначило Моргана Пятого Президентом Соединенных Штатов! Это, должно быть, одна из последних монет: ведь Алая смерть пришла в 2013 году. Господи, подумать только! Минуло уже шестьдесят лет, и я единственный, кто остался в живых с тех времен. Эдвин, где ты нашел эту монету?

Мальчик, слушавший старика с тем терпеливо-снисходительным видом, с каким слушают болтовню слабоумного, тут же ответил:

— Мне дал ее Хоу-Хоу, а он нашел ее прошлой весной, когда пас коз у Сан-Хосе. Хоу-Хоу сказал, что это деньги. Дед, ты разве не хочешь есть?

В глазах у старика мелькнул голодный огонек, и, покрепче ухватив свою палку, он заковылял по тропе.

— Хорошо, если Заячья Губа поймал краба, а то и двух... — бормотал он. — У крабов вкусное мясо, очень вкусное, особенно когда нет зубов, но зато есть внуки, которые любят своего дедушку и стараются поймать ему краба. Когда я был мальчиком...

Эдвин вдруг увидел что-то и остановился, натягивая лук. Он стоял как раз на краю овражка. Некогда здесь проходила дренажная труба, которая потом развалилась, и вздувшийся ручей размыл насыпь. На другом краю овражка, нависая над обрывом, торчал ржавый рельс, обвитый диким виноградом. Подальше, у куста, припал к земле кролик, испуганно поводя глазами. Расстояние было футов пятьдесят, но стрела, мелькнув в воздухе, настигла цель; раненый зверек, пискнув от испуга и боли, тяжело запрыгал в заросли. Тут же мелькнули загорелое тело и развевающаяся шкура: мальчик прыгнул с откоса и одним духом взобрался на противоположную сторону оврага. Молодые мускулы его играли, точно эластичные пружины. Футов через сто в кустарниковой чаще он настиг кролика, размахнувшись, ударил его головой о ближний ствол и отдал нести старику.

— Мясо кролика очень вкусно, — начал старик дребезжащим голосом, — но уж если говорить о деликатесах, то я предпочитаю крабов. Когда я был мальчиком...

— Отчего ты все время болтаешь какую-то чепуху? — досадливо прервал мальчик своего словоохотливого спутника.

Он произнес отнюдь не эти слова, но какие-то лишь отдаленно напоминающие их горькие, взрывные звуки, составлявшиеся в короткие, отрывистые слова, почти не передаю-

щие оттенки смысла. В его речи угадывалось сходство с речью старика, похожей на дурной, испорченный английский язык.

— Почему ты вместо «краб» говоришь «деликатес»? — продолжал мальчик. — Краб — это краб. Никогда не слышал такое смешное название!

Старик вздохнул, ничего не ответил, и дальше они шагали молча. Рокот прибоя стал слышнее, когда они вышли на опушку леса к гряде песчаных дюн, подступавших к морю. Между дюнами бродили козы, пощипывая скудную травку; за козами присматривал одетый в шкуру подросток с большой, волчьего обличья собакой, чем-то напоминавшей шотландскую овчарку. К шуму прибоя примешивался не то лай, не то какие-то всхлипы — низкие, нутряные, доносившиеся с больших остроконечных камней ярдах в ста от берега. Туда выползали огромные морские львы, грелись на солнце, дрались друг с другом. Поблизости вздымался дымок от костра, похожий на дикаря мальчишка подкладывая в огонь сучья. Рядом лежали несколько псов, совсем таких же, как тот, что сторожил коз. Старик ускорил шаг и, подходя к костру, стал жадно принюхиваться.

— Мидии! — пробормотал он восторженно. — И, кажется, еще краб, Хоу-Хоу? Ну, мальчики, вы и в самом деле любите своего старого дедушку!

Хоу-Хоу, паренек примерно того же возраста, что и Эдвин, засмеялся:

— Тебе хватит, дед. Я поймал четырех крабов.

Жалко было смотреть, как от жадного нетерпения у старика тряслись руки. Торопливо, насколько позволяли негнувшиеся колени, он опустился на песок и палкой выкатил из углей крупную мидию. От жара створки раковины раскрылись, и розоватое мясо отлично запеклось. Старик задрожал, схватил кусок моллюска большим и указательным пальцами и поднес ко рту. Но кусок оказался чересчур горячим, и он в тот же миг выплюнул его. Старик захныкал от боли, на глазах выступили слезы и покатались по щекам.

Мальчишки были настоящие дикари, и их юмор был весьма груб и примитивен. Происшедшее показалось им ужасно смешным, и они разразились громким смехом. Хоу-Хоу приплясывал у костра, а Эдвин в полнейшем восторге катался по земле. Прибежал мальчишка, стерегущий коз, чтобы тоже принять участие в веселье.

— Эдвин, остуди их, пожалуйста! — умолял огорченный старик, не пытаясь даже вытереть слезы, бежавшие из глаз. — И достань также краба, Эдвин. Ты же знаешь, твой дедушка любит крабов.

Раковины подсыхали на угольях и лопа­лись от жара с громким шипением. Моллюски были большие, от трех до шести дюймов дли­ной. Мальчишки выгребали их из золы палками и, чтобы остудить, складывали на бревно, вы­брошенное на берег.

— Когда я был мальчиком, мы не смеялись над старшими, мы почитали их.

Поток бессвязных жалоб и упреков не пре­кращался, но внуки не обращали на деда ни­какого внимания. Все принялись за еду, дейст­вуя одними руками, громко чавкая и причмоки­вая. Старик ел осторожно, старался не спешить, чтобы снова не обжечься. Третий мальчиш­ка, по прозвищу Заячья Губа, незаметно насы­пал щепотку песка на кусок моллюска, который дед подносил ко рту; песчинки вонзились то­му в нёбо и десны, и тут снова раздался оглу­шительный хохот. Бедняга не догадывался, что с ним сыграли злую шутку, он фыр­кал и отпле­вывался до тех пор, пока Эдвин, смилостивив­шись, не подал ему тыкву со свежей водой, что­бы прополоскать рот.

— Где же крабы, Хоу-Хоу? — спросил Эд­вин. — Дед хочет есть.

В глазах старика опять зажегся голодный огонек, когда ему подали краба. Клешни, пан­цирь — все было цело, но мясо внутри давно высохло. Дрожащими пальцами, в предвкуше-